

произведений старой письменности («Плачи по Москве» и др.) и ряд памятников, сохранившихся до этого в одном-двух списках (Послание Макария Ивану Грозному, «Повесть о самосожжениях на Мезени в 1743—1744 гг., Послание новгородского архиепископа Геннадия и др.). Найдены произведения, ранее известные, но позднее затерявшиеся (Исповедь Ивана Филиппова и др.). Мы уже не говорим об исторических и литературных произведениях местного происхождения. Они до этого вообще были совершенно неизвестны. Вместе с другими переписанными здесь рукописями эти произведения представляют неоценимый источник для лингвиста, изучающего печорские говоры.

Среди собранного большого числа памятников выговской литературы XVIII—XIX вв. имеется немало сочинений, не учтенных прежними исследователями.

Таким образом, весь этот материал расширяет наши представления о старорусской письменной культуре, ее объеме, вводит ряд новых фактов в ее характеристику. Он также является новым свидетельством живучести традиций древнерусской письменности в отдельных уголках России еще в конце XIX в.—начале XX в.

Итак, как мы могли убедиться из приведенных примеров, в результате археографического обследования Усть-Цилемского района ученые получили большой и ценный материал.⁹ Прежде всего он важен для характеристики местной образованности в прошлом. Этот материал по-новому освещает характер и содержание культуры усть-цилемцев. Немаловажное значение имеет он и для истории русской культуры вообще, так как предоставляет в распоряжение исследователей ряд новых фактов. Все это, как нам кажется, оправдывает продолжение археографического обследования Печоры, в частности Троицко-Печорского района, к изучению которого уже приступили в 1959 г.

Проведенное впервые в археографической практике сплошное обследование большого края и полученные при этом результаты, как мне думается, должны поставить на очередь вопрос о необходимости расширения подобных работ за пределы района Печоры и о привлечении к участию в них сотрудников местных научных учреждений. Конечно, разворачивать эту работу надо в тех местах, где сохраняются еще у населения рукописные материалы. А таких мест в СССР еще немало.

В заключение несколько слов о следующих ниже рукописях и правилах, принятых при их описании.

114 описанных здесь рукописных книг XVII—XIX вв., как отмечено выше, представляют собой произведения исторического, литературного и бытового содержания. Наибольшее место занимают писания старообрядцев, преимущественно выговцев, и русская церковно-историческая литература. В этой группе рукописей можно встретить очень редкие и ценные памятники: «Плачи по Москве» (№ 191), «Повесть о самосожжении в Мезенском уезде в 1743—1744 гг.» (№№ 203, 204 и 205), Полемический сборник Тимофея Ивановича (№ 209), Хронограф в усть-цилемской переработке (№ 267) и др. Два последних произведения любопытны как образцы усть-цилемской литературы XVIII—XIX вв. Большой научный интерес представляют местные синодики (№№ 219—226). Они содержат важные сведения по истории заселения Усть-Цилемского края.

⁹ О научной ценности собранного материала свидетельствует неоднократное использование его советскими и зарубежными учеными. Подробнее об этом см. в указанной нашей работе об усть-цилемских рукописных сборниках.